

Николай Иванович Пироговъ.

Его жизнь и дѣятельность

(13 ноября 1810 года—13 ноября 1910 года).

Д-ра М. Казанскаго.

(Продолженіе *).

Въ 1878 г., съ войны, Н. И. Пироговъ возвратился въ свое имѣнье Подольской губ., гдѣ въ концѣ 1879 г. принялся за свой замѣчательный дневникъ, получившій у него оригинальный заголовокъ: „*Вопросы жизни. Дневникъ стараго врача, писанный исключительно для самого себя, но не безъ задней мысли, что можетъ быть когда-нибудь прочтеть и кто другой.*—Н. Пироговъ. 1879 С. Вишня“.

Пироговъ началъ свой „Дневникъ“ 5 ноября 1879 г. и съ нѣкоторыми перерывами писалъ его въ 1880 и 1881 годахъ. Пока здоровье ему не измѣнилось, Николай Ивановичъ писалъ по вечерамъ. По утрамъ онъ любилъ работать въ саду; днемъ принималъ больныхъ, по прежнему съѣзжавшихся къ нему со всѣхъ сторонъ; вечера же посвящалъ своему „Дневнику“.

Первая часть „Дневника стараго врача“, писанная съ 5 ноября 1879 г. по 25 марта 1880 г., подробно излагаетъ думы автора по основнымъ вопросамъ бытія. Это, собственно, и есть изложеніе „вопросовъ жизни“, разъясняющее религіозно-философскія воззрѣнія Пирогова.

Вторая часть „Дневника“, писанная съ 25 марта 1880 г. по мартъ 1881 г. и съ 12 сентября по 22 октября 1881 г.—біографическая; въ этой части излагаются Николаемъ Ивановичемъ со-

*) См. «Казанскій Медицинскій Журналъ» Томъ XII, 1912 г., № 1.

бытія его жизни по 1842 г.—второй годъ его профессорства въ Петербургѣ, въ Военно-медицинской академіи.

Нѣсколько писемъ, отправленныхъ изъ „Вишня“ Пироговымъ І. В. Бертенсону въ теченіе времени отъ 27 сентября 1880 г. по 16 апрѣля 1881 г., составляютъ краткую и весьма интересную автобіографію Николая Ивановича.

Какимъ великимъ мыслителемъ и великимъ гражданиномъ является предъ нами Н. И. Пироговъ въ его замѣчательномъ „Дневникѣ стараго врача“!

Вопросы бытія, вопросы духа, религіи, характера, вопросы социальныя и экономическіе, вопросы общественныя и политическіе,—все это волнуетъ пылливый умъ Пирогова, ищетъ подъ перомъ его своего разрѣшенія и заставляетъ Пирогова глубоко вдумываться, и думы свои, мысли, взгляды, убѣжденія и чувства Николай Ивановичъ высказываетъ со свойственной ему прямою и откровенностію.

50 лѣтъ Н. И. Пироговъ неустанно и въ высшей степени плодотворно работалъ на пользу ближняго, родины и науки,—и теперь, не смотря на свои преклонные годы (68 лѣтъ) и тяжкую болѣзнь, онъ, не падая духомъ, продолжаетъ трудиться и трудился съ особенной настойчивостію, торопясь окончить свой трудъ, свой „Дневникъ“. Одна смерть была въ состояніи остановить могучую мыслительную дѣятельность этого гениальнаго человѣка!

Въясняя философско-этическій идеалъ Пирогова, д-ръ Бурденко говоритъ: „Отъ природы надѣленъ былъ Пироговъ философскимъ складомъ мышленія и интенсивно-моральной талантливостію. Это наложило своеобразную печать на его теоретическія міровозрѣнія и выработало изъ него поборника индивидуализма—личности чистой, высоко-моральной, чуткой къ любви и цѣнной самой по себѣ. Отсюда его стремленіе соединить въру съ анализомъ, его стремленіе охранять личность индивидуума отъ всякихъ попытокъ къ угнетенію. Онъ не беретъ „человѣка-индивидуума“ отъ человѣчества, а поселяетъ его среди людей-человѣковъ и надѣляетъ его любовью къ нимъ чистою и мощною. Его стихотвореніе „Гимнъ любви къ ближнему“—единственный въ своемъ родѣ“. Онъ въ своемъ стихотвореніи говоритъ:

„Быть счастливымъ счастьемъ другихъ—

Вотъ настоящее счастье, вотъ жизни земной идеалъ!

Любовію къ ближнему чистой проникнуть быть долженъ,

Кто счастья земного въ счастья ищетъ другихъ“.

Еще будучи попечителемъ Кіевскаго учебнаго Округа, Н. И. Пироговъ въ письмѣ баронессѣ Раденъ ¹⁾ отъ 7 дек. 1860 г. высказывается на общимъ вопросамъ—о христіанской любви и значенія ея въ организаціи человѣческихъ сообществъ.

Баронесса Раденъ считала болѣе правильнымъ придать недавно учрежденной Крестовоздвиженской Общинѣ сестеръ милосердія характеръ религіозной организаціи на основѣ идеи христіанской любви, на подобіе католическихъ благотворительныхъ общинъ.—Въ своемъ отвѣтѣ Пироговъ заявляетъ себя глубокимъ приверженцемъ идеи христіанской любви: «Кто въ своей жизни,—говоритъ онъ,—почерпнулъ столь много утѣшенія въ христіанской вѣрѣ, какъ я, тотъ не станетъ сомнѣваться, что если можно безпристрастно и самоотверженно любить что-нибудь въ мірѣ, то это, конечно, Освободителя людей, дѣйствовавшаго такъ самоотверженно и такъ милосердно по отношенію къ міру. Нельзя также отрицать, что такая любовь, въ ея высшемъ проявленіи, можетъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ какое-либо другое человѣческое чувство, вести къ великимъ и благороднымъ дѣяніямъ».

Однако Пироговъ сомнѣвается въ успѣшности устройства у насъ значительной общины на основѣ чистой христіанской любви. Для этого необходимо предварительное и основательное воспитаніе народа въ духѣ христіанской любви, безъ чего откроется «широкій доступъ въ святилище, вмѣстѣ съ немногими избранными, также и большому потоку лицемѣровъ и тартюфовъ» (ханжей). «Искусственно взлелѣять въ народѣ самое высокое, самое чистое и идеальное изъ всѣхъ чувствъ—христіанскую любовь»—не возможно.

«Читайте-же исторію русскаго народа», пишетъ баронессѣ Раденъ Пироговъ. «Какимъ образомъ отцы нашей церкви питали и развивали любовь ко Христу въ нашихъ предкахъ? Только черезъ запрещенія и номоканоны. Они хотѣли превратить всю Россію въ огромный монастырь, они осуждали всѣ плотскія наслажденія, они хвалили одни духовные подвиги; хвалили, но ничего не давали вещественнаго для питанія превозносимыхъ ими чувствъ». «Указаннымъ способомъ развиваютъ лишь одну любовь къ запрещенному. Послѣ же того, какъ въ позднѣйшее время церковное воспитаніе было замѣнено полицейскимъ, любовь къ запрещенному сдѣлалась еще сильнѣе, и вотъ какова вся исторія нашей цивилизаціи. Почему наши монастыри не преслѣдовали цѣлей ка-

¹⁾ Баронесса Э. Ф. Раденъ была ближайшей сотрудницей во многихъ общественныхъ дѣлахъ и начинаніяхъ великой княгини Елены Павловны, будучи фрейлиной ея.

толическихъ орденовъ—цѣлѣй воспитанія дѣтей и под., Пироговъ объясняетъ отчасти тѣмъ, что «наша религія, съ самаго начала и въ своемъ происхожденіи, заключала въ себѣ протестъ противъ католицизма. И въ то время, когда католическая церковь постоянно стремилась къ гегемоніи въ государствѣ, въ томъ отношеніи, что она хотѣла властвовать какъ надъ воспитаніемъ будущихъ поколѣній, такъ и надъ сердцами толпы (благотворительными дѣлѣями), восточная церковь старалась поставить себя подъ покровительство государства».

Своимъ гениальнымъ умомъ, своимъ чуткимъ сердцемъ Н. И. Пироговъ,—говоритъ проф. Разумовскій,—предугадалъ ту роль, которая предстоитъ женщинѣ въ общественной дѣятельности и въ особенности въ медицинѣ, и явился горячимъ защитникомъ большей роли женщины въ нашей общественной жизни.

Наблюденія надъ учрежденіями сестеръ милосердія и надъ ихъ дѣятельностью въ Севастополѣ убѣдили меня, говоритъ Н. И. Пироговъ,—что «современный женскій вопросъ духовно паритъ въ этихъ учрежденіяхъ. Организаторы и основатели ихъ, невольно и сами того не сознавая, способствуютъ требованію правъ уже возбужденному женскому вопросу. Дѣло теперь не въ эмансипаціи женщинъ, о которой я мечталъ еще золѣтъ назадъ; но настоящимъ образомъ я постигъ значеніе женщинъ только позднѣе, при управленіи общиной сестеръ и по опытамъ во время крымской кампаніи. Тамъ я могъ ежедневно убѣждаться, присматриваясь къ обдуманнѣмъ сужденіямъ и аккуратнѣмъ дѣйствіямъ ихъ, что мы не умѣемъ ни достаточно цѣнить, ни разумно употреблять ихъ природный тактъ и чувствительность. Только торговый материализмъ и невѣжественная чувственность видятъ въ женщинѣ существо подвластное и ниже себя». «Женщины должны занять мѣсто въ обществѣ, болѣе отвѣчающее ихъ человѣческому достоинству и ихъ умственнымъ способностямъ». «Женщина, если получить надлежащее образованіе и воспитаніе, можетъ также хорошо усвоить себѣ научную, художественную и общественную культурность, какъ и мужчина. При этомъ главное условіе только то, что-бы женщина всегда сохраняла въ себѣ физиологическую и нравственную женственность и выучилась-бы не разставаться съ нею». «Женщина съ мужскимъ образованіемъ и даже въ мужскомъ платьѣ всегда должна оставаться женщиной и никогда не пренебрегать развитіемъ лучшихъ дарованій своей женской природы». Женщины имѣютъ одинаковыя съ мужчинами способности къ знанію; но, кромѣ того, «онѣ обладаютъ высшею способностью къ чувствуванію».—

«Что наши предки отняли у женщинъ, то мы должны возвратитъ имъ съ лихвою».

И если современная женщина,—говоритъ проф. Разумовскій,—получаетъ въ медицинѣ равныя права съ мужчиной, и въ Россіи это происходитъ раньше, чѣмъ въ западной Европѣ, то этимъ русская женщина прежде всего обязана Н. И. Пирогову. «Сестры, говоритъ Пироговъ, ступили первый шагъ къ практической резолюции женскаго вопроса». Теперь по пути, намѣченному Н. И. Пироговымъ, русская женщина-врачъ,—замѣчаетъ проф. Разумовскій,—дѣлаетъ второй шагъ.

Міровыя загадки, вѣчныя тайны, окружающія человѣка, неизменно стояли предъ Пироговымъ.

«Что это за непонятное существованіе безчисленныхъ міровъ, составленныхъ изъ однихъ и тѣхъ же вещественныхъ атомовъ и отдѣленныхъ на вѣки одинъ отъ другого едва вообразимыми по своей громадности пространствами?».....

Не только единство вѣчной матеріи кажется Пирогову необходимою гипотезой,—онъ идетъ дальше, предвосхищаетъ новѣйшія наши ученія о единствѣ и нераздѣлимости матеріи и силы.

«Мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—что вещество могло бы перейти въ силу, а сила въ вещество».... «Нѣтъ опредѣленныхъ границъ, гдѣ оканчивается матерія, гдѣ начинается духъ, потому-что намъ неизвѣстны ни границы, ни свойства матеріи».

Далѣе Пироговъ высказываетъ:

«Я не могу убѣдиться, что-бы во всей вселенной нашъ мозгъ былъ единственнымъ органомъ мышления, чтобы все въ мирѣ, кромѣ нашей мысли, было безумно и бессмысленно и чтобы она одна придавала мірозданію смыслъ и разумную цѣлесообразность. Поэтому мнѣ кажется, что наше пресмутное и странное «я» заносится въ нашъ мозгъ и развивается тамъ вмѣстѣ съ ощущеніями отъ приносимыхъ въ него внѣшнихъ впечатлѣній. Не есть-ли наше «я» именно міровая мысль, встрѣчающая въ мозгѣ аппаратъ, искусно сработанный ad hoc силой жизни и назначенный ей для олицетворенія и обособленія мірового ума? Въ такомъ случаѣ мозгъ былъ бы искусно сплетенной сѣтью для удержанія и проявленія въ личномъ видѣ вселенскаго Разума»...

«Изъ моего міровозрѣнія я заключаю, что существованіе верховнаго Разума, а, слѣдов., и верховной творческой воли, я считаю необходимымъ и неминуемымъ (роковымъ) требованіемъ моего собственнаго разума, такъ-что если бы я и хотѣлъ теперь не признать существованіе Бога, то не могъ бы этого сдѣлать, не сойдя съ ума».

«Я нисколько не скандализуюсь происхождедемъ чловѣка отъ обезьяны; тѣмъ болѣе чести уму какого бы то ни было существа, если оно сумѣло выйти, хотя бы и случайно, въ люди».

«Для меня однако же, — съ горечью замѣняетъ Пироговъ, — не менѣе вѣроятенъ и обратный переходъ чловѣка въ обезьяну, совершающійся почти на нашихъ глазахъ».

Выросшій и воспитанный въ религіозной семьѣ, потерявшій наивную вѣру дѣтства въ молодости, Пироговъ долгимъ анализомъ доходитъ въ зрѣломъ возрастѣ до синтеза глубокой вѣры, къ чему онъ сталъ склоняться въ особенности послѣ тяжелаго заболѣванія и сильнаго горя въ личной своей жизни.

Не мнѣ, — говоритъ Ник. Ив — чѣ, — посвятившему всю жизнь и именно самую лучшую часть жизни рациональному эмпиризму, — не мнѣ, говорю, отвергать значеніе опыта, но и не мнѣ сомнѣваться въ значеніи словъ перваго Гипповратова афоризма: „*Experientia fallax, judicium difficile*“.

«Вѣра — это чистое отвлеченіе души, — высказываетъ Пироговъ; — тутъ нѣтъ никакихъ мірскихъ цѣлей и задачъ. Вѣра необходима, какъ самая глубокая потребность души, индивидуально для каждаго болѣе, чѣмъ для общества. Въ душѣ каждой чловѣческой особи есть частичка не отъ міра сего, ищущая себѣ духовной пищи. Вѣра не стѣсняется знанемъ и идетъ своимъ путемъ». Что умъ съ его развѣдающимъ анализомъ и сомнѣніемъ? Развѣ онъ успокаивалъ, подавалъ надежду, утѣшалъ и водворялъ миръ и упованіе въ душѣ?»

Для меня существованіе Верховнаго Разума и Верховной воли сдѣлалось такою же необходимостью, какъ мое собственное умственное и нравственное существованіе. Верховный вселенскій Разумъ и Верховная Воля дѣлаются доступными для насъ, говоритъ Пироговъ, въ лицѣ Богочловѣка». Вся внѣшняя сторона вѣры оказывала на меня, — высказываетъ Пироговъ, — вмѣсто успокаивающаго и примиряющаго дѣйствія другое противоположное. Мнѣ нуженъ былъ отвлеченный, недостижимо-высокій идеаль вѣры. И, принявшись за Евангеліе, которое я впервые самъ началъ читать, когда мнѣ было уже 38 лѣтъ отъ роду, — я нашелъ для себя этотъ идеаль.» Для Пирогова уясняется цѣль чловѣческаго существованія — жить по завѣтамъ Христа, жить для усовершенствованія, для облагораженія матеріи». Одно мнѣ кажется, — говоритъ Пироговъ, — не совмѣстимымъ съ духомъ ученія Христа — это догматизмъ и доктринерство. Для меня главное въ христіанствѣ — это недостижимая высота и освѣщающая душу чистота идеала вѣры; на немъ цѣлыя вѣка тьмы, страстей и неистовствъ не оставили ни единого пятна; кровь и грязь, которыми міръ не разъ старался осквернить идеальную святость

и чистоту христианскаго ученія, стекали потоками назадъ на осквернителей — Указывая на недостатки современной ему Церкви, Пироговъ говоритъ: «Свобода совѣсти отходить на задній планъ. Въмѣсто недосяжимо-высокаго идеала, нареченнаго быть мотивомъ всѣхъ нашихъ дѣлъ и нравственныхъ стремлений, выступили на первый планъ всѣ эти церковныя обряды и требы. Въмѣсто смиренныхъ, исполненныхъ благодати и любви учителей, явились непогрѣшимые папы-государи, надменные патриархи, заводившіе споры о первенствѣ».

«Грѣхъ-ли это предъ Богомъ, восклицаетъ Пироговъ, если я отличаю, какъ гражданинъ и человѣкъ, догматическое исповѣданіе ученія Христа, принявшее государственную, такъ сказать, оболочку, отъ духа идеала и сути самаго ученія?»..

«Иногда, смотря на нашихъ владыкъ, я думалъ: какъ бы мнѣ было совѣстно передъ собою и передъ Христомъ, если бы я сдѣлался архіереємъ: мнѣ не возможно было бы не помнить, что именно архіереи синодона были судьями на смерть Общавшаго Царство Божіе своимъ избраннымъ».

Общественные и политическіе взгляды Н. И. Пирогова, высказанные имъ въ его „Дневникѣ“, письмахъ, „Вопросахъ жизни“, представляютъ живѣйшій и глубокой интересъ.

Искренно и глубоко любящій свою родину, Пироговъ до глубины души возмущенъ ужаснымъ событіемъ 1-го марта 1881 г. Но онъ не успокаивается на одномъ отрицаніи зла, онъ ищетъ его причинъ и вдумчиво, какъ врачъ, желаетъ изслѣдовать, поразившую его чувство, язву государства.

«Есть періоды въ исторіи народовъ, говоритъ Пироговъ, когда неминуемо, роковымъ образомъ они призываются логикою фактовъ къ новой жизни, и правительства волею или неволею должны бывать отступать отъ консерватизма».

«Вдумываясь въ прожитое прошедшее, я нахожу, —высказываетъ Пироговъ, что спервый донелзя въ теченіе многихъ лѣтъ и выпущенный въ послѣднее двадцатипятилѣтіе на свободу духъ нашего времени проявилъ себя у насъ тотчасъ же борьбою со властью».

«Духъ времени, выпущенный на волю, оказался у насъ, какъ и слѣдовало ожидать, похожимъ на стѣнную, табунную лошадь, спущенную съ аркана.»

Указавъ на запоздалость реформъ 1860-хъ годовъ, Пироговъ «главнѣйшій путь для уврачеванія язвъ современной жизни, обществен-

ной и государственной, видитъ въ дамыѣйшихъ широкихъ реформахъ.

Къ этимъ новымъ, «болѣе органическимъ и не терпящимъ отлагательства» реформамъ Н. И. Пироговъ относитъ: дарованіе болѣе широкихъ правъ самоуправленія земскимъ учрежденіямъ, слишкомъ подпавшимъ подъ вліяніе бюрократизма и администраціи, устраненіе военныхъ судовъ изъ области гражданскаго права, урвненіе правъ и отношеній къ правительственной, административной и судебной власти всѣхъ провинцій европейской Россіи и всѣхъ ея сословій, а главнымъ, какъ я полагаю, говоритъ Пироговъ, самымъ существеннымъ признакомъ прогресса для общества было бы введеніе выборнаго земскаго представительства въ государственный совѣтъ».

«Какъ ни мало еще людей въ Россіи, замѣчаетъ Пироговъ, подготовленныхъ къ дѣльному и прочному представительству общественныхъ нуждъ и интересовъ, наступило однако же время воспользоваться какими бы то ни было наличными силами общества.»

«Какъ скоро дали обществу, говоритъ Пироговъ, хотя сколько-нибудь развиться и хотя не много окрѣпнуть и познакомиться съ тѣмъ, что дѣлается вблизи и вдали, то всѣ запреты толковать о предметахъ, интересующихъ культурное общество, и при томъ не безразличныхъ и не преступныхъ, озовутся рано или поздно съ большимъ вредомъ и на обществѣ и на правительствѣ.»

«Мнѣ всегда казалась односторонней, говоритъ Пироговъ, тенденція предотвратить закономъ зло, а не развивать добро въ гражданахъ». Широкая гласность въ заявленіи общественныхъ нуждъ, интересовъ и недостатковъ, и общественное представительство съ отвѣтственностью предъ трономъ и государствомъ, уничтоживъ *raison d'etre* недовольства, недовѣрія и равнодушія, разсѣютъ, какъ прахъ, и подпольную интригу».

Постепенное введеніе обязательнаго ученія, вмѣстѣ съ окончательнымъ регулированіемъ поземельныхъ и податныхъ обязанностей и всего крестьянскаго управленія, было бы первой, говоритъ Пироговъ, и главной обязанностью общественаго представительства.

Обсуждая положеніе крестьянства и громадный земельный вопросъ, Пироговъ не полагаетъ все благосостояніе народа въ одной только землѣ. «Этотъ-то 20-миллионный особнякъ (крестьянство), съ его къ тому еще бытовыми особенностями и обычаями, есть что-то въ родѣ *status in statu*.»

Относительно старинной нашей крестьянской общины Пироговъ высказываетъ:

«Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что общину не слѣдовало бы уничтожать, гдѣ она существуетъ, ни поддерживать искусственными мѣрами.»

Особенно возстаегь Н. И. Пироговъ противь обособленности крестьянскихъ массъ. Онъ сожалѣеть и объ отсутствіи мелкой земской единицы.

Высказываясь по вопросу о націонализмѣ, Пироговъ между прочимъ говорить:

«Любовь къ отечеству, къ русскому народу и къ славянскому племени вообще, какъ эти чувства ни высоки, не должны измѣнить нашъ здравый смыслъ. Намъ не миновать процесса общечеловѣческаго развитія».

«Не родился я, говоритъ Пироговъ, въ эпоху русской славы и искренняго русскаго народнаго патриотизма, какою были годы моего дѣтства, едва-ли изъ меня не вышель-бы космополитъ; я такъ думаю потому, что у меня очень рано развилась, вмѣстѣ съ глубокимъ сочувствіемъ къ родинѣ, какая-то не преодолимая брезгливость къ національному хвастовству, ухарству и шовинизму».

Въ 1881 г. предстоялъ 50-лѣтній юбилей служенія Н. И. Пирогова наукѣ и обществу.

Московский университетъ командировалъ къ Николаю Ивановичу, въ его имѣнье, декана медицинскаго факультета, проф. Н. В. Скляфосовскаго—просить маститаго ученаго пріѣхать въ Москву на юбилейное торжество, назначенное на 24 мая. Не безъ труда удалось сълонить великаго старца на поѣздку въ Москву, которая, какъ родина Николая Ивановича, главнымъ образомъ и повліяла на его согласіе.

Путешествіе Пирогова изъ его имѣнья въ Москву обставлено было весьма торжественно. Занятый имъ вагонъ украшенъ былъ гирляндами зелени и вѣнками. Въ Винницѣ знаменитаго хирурга явились проводить члены думы, при чемъ Николаю Ивановичу поднесены были адрессъ и роскошный альбомъ. Въ Кіевѣ и другихъ попутныхъ городахъ устроены были торжественныя встрѣчи представителями городовъ и мѣстныхъ врачебныхъ организацій и отдѣльными лицами.

Въ Кіевѣ, къ 9 час. вечера, 20 мая, собрались на вокзалѣ всѣ наличные военные врачи (48) въ парадной формѣ, 3 члена медицинскаго факультета и 3 гражданскихъ врача. По пріѣздѣ Пирогова, окружный военно-медицинскій инспекторъ Аркиповъ обратился къ юбиляру съ горячимъ привѣтствіемъ. Николай Ивановичъ, глубоко тронутый неожиданнымъ для него вниманіемъ, въ отвѣтной своей рѣчи между прочимъ высказалъ, что онъ «постоянно ратовалъ за самостоятельныя дѣйствія врачей,

которыми, къ сожалѣнню, они не пользуются въ ущербъ службы и процвѣтанія медицины».

22 мая Пироговъ прѣхалъ въ Москву, гдѣ на вокзалѣ ожидало его многочисленное собраніе депутатовъ отъ различныхъ учреждений Москвы: военно-медицинское начальство, профессора университета во главѣ съ ректоромъ, попечитель Округа, городской голова—съ хлѣбомъ солью, и др. Когда «почтенный, сѣденькій старичекъ, въ высшей степени скромно одѣтый и укутанный шарфомъ, показался изъ вагона, всѣ присутствовавшіе моментально обнажили головы и послышалось громкое «ура», сопровождаемое рукоплесканіями.

На привѣтствія ректора университета и городского головы, Николай Ивановичъ, растроганный и взволнованный, отвѣчалъ теплой рѣчью.

24 мая 1881 г. состоялось въ Московскомъ университетѣ торжественное празднованіе 50-лѣтняго юбилея Н. И. Пирогова, въ присутствіи массы именитыхъ почитателей юбиляра.

Передъ кафедрой, убранной цвѣтами самыхъ прихотливыхъ и рѣдкихъ растений, какія только могли найти въ Москвѣ,—стоялъ столикъ, покрытый бархатомъ розоваго цвѣта; на немъ поставленъ былъ ящикъ, въ которомъ изъ-подъ стекла видны были: 1) прошеніе Пирогова о принятіи его въ Московскій университетъ на медицинскій факультетъ—66 лѣтъ тому назадъ, 2) росписка въ полученіи шапки и шляпы по зачисленіи въ студенты и 3) росписка въ полученіи хирургическаго лѣкарскаго набора по окончаніи курса. По одной сторонѣ кафедры приготовленъ былъ столъ для юбиляра, съ наиболѣе почетными гостями; на другой сторонѣ—другой такой же столъ съ присланными адресами, письмами, телеграммами и документами, относящимися до торжества.

На торжество прибыли Московскій генераль-губернаторъ, князь Долгоруковъ, командующій войсками округа Радский, попечитель Округа графъ Капкисъ, профессора университета съ ректоромъ Тихонравовымъ во главѣ, представители Москвы съ городскимъ головой Третьяковымъ, многочисленныя депутаціи, дамы съ букетами цвѣтовъ, и др.

При входѣ юбиляра раздался громъ рукоплесканій, продолжавшійся съ необыкновенной силой все время, пока Н. И. дошелъ до своего мѣста чрезъ огромную актовую залу. Хоръ пѣвчихъ встрѣтилъ юбиляра пѣніемъ «Жоэль славень»...

Ректоръ университета послѣ привѣтственной рѣчи прочелъ телеграмму, присланную на имя Н. И. Пирогова Императоромъ Александромъ III. Затѣмъ выступили съ своими адресами университеты и другія многочисленныя общества и учрежденія;—болѣе 150 депутацій значилось въ спискѣ. Прислали свои привѣтствія и многіе заграничныя уни-

верситеты—Англіи, Германіи, Италіи, Франціи. Нѣсколько депутацій было отъ еврейскихъ обществъ. Весьма оригинальный адресъ прислать былъ отъ закавказскаго муфтія, начинавшійся приблизительно такъ:

«Слава тому Богу, въ народѣ котораго рождаются такіе люди, какъ Пироговъ» и т. д.

Рѣчи и адресы читались ровно 4 часа, и 70-лѣтній юбиляръ относился къ нимъ съ большимъ вниманіемъ, оставался бодримъ до конца и каждого, читавшаго привѣтствіе, благодарилъ рукопожатіемъ.

Около 5 часовъ вечера, по окончаніи всѣхъ привѣтствій, Н. И. Пироговъ поднялся съ своего мѣста и направился къ кафедрѣ, что-бы произнести слово благодарности. Оглушительныя рукоплесканія присутствовавшихъ долго не давали ему говорить. Въ своей рѣчи юбиляръ, сравнивая прошедшее съ современнымъ и въ научномъ отношеніи и въ отношеніи «жизненной правды», между прочимъ говорилъ: «Насъ учили уваженію и даже вѣрнымъ знакамъ поклоненія людямъ; но не учили насъ не отступать передъ высоконравственными идеалами».... Напомнивъ объ «ураганахъ жизни» послѣдняго времени, Пироговъ высказалъ: «Когда нравственная сила остается крѣпкой и бодрой, стихійная сила подчиняется ея вліянію; но какъ скоро нравственная сила ослабѣваетъ, стихійная получаетъ перевѣсъ; освобождается изъ-подъ ея вліянія, заявляетъ о себѣ ураганомъ». «Для исцѣленія современныхъ недуговъ русской жизни наиболее пригоденъ медицинскій принципъ *contagia* (лѣчение противоположными средствами), чѣмъ девизъ гомеопатовъ: *similia similibus curantur* (подобное подобнымъ и лѣчится)».

На слѣдующій день, 25 мая, состоялся въ дворянскомъ собраніи обѣдъ въ честь юбиляра, которому приготовлено было мѣсто за особымъ столомъ среди дамъ, явившихся чествовать славное имя Пирогова на ряду съ своими мужьями-профессорами университета, представителями города и др. Столы были убраны тропическими растеніями и массой живыхъ цвѣтовъ. На обѣдъ собралось до 300 чел.

Ректоръ университета предложилъ тостъ за «человѣка, громко провозгласившаго идеалы университетскаго устройства», учрежденія свободнаго и автономнаго. Въ отвѣтной рѣчи Пироговъ, говоря о мировой болѣзни, о мировой скорби, высказалъ пожеланіе, чтобы «врачующіе эту болѣзнь, уничтожая ее, не разстроили самаго организма».

Проф. Склифосовскій, приведя стихи Некрасова:

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!»

сказалъ, что юбиляръ всю свою жизнь сѣялъ доброе. Гдѣ мѣра его? Мѣру далъ самъ Н. И. Пироговъ, сказавши, что срокъ ученья—жизнь, а мѣра—наука».

Присяжный повѣренный Пржевальскій предложилъ тостъ за «борна той великой правды, которую человѣчество живетъ, совершенствуется и вѣчно движется впередъ по пути прогресса и свободы».

Д-ръ Снегиревъ провозгласилъ тостъ за «отца, насадителя и освободителя русской медицины отъ иноземнаго ига».

Городъ Москва поднесъ Н. И. Пирогову, своему знаменитому уроженцу, дипломъ почетнаго гражданина Москвы.

Избраніе почетнымъ гражданиномъ своего родного города было особенно дорого Николаю Ивановичу, что онъ и выразилъ въ своемъ отвѣтѣ на это избраніе:

„Можетъ-ли быть что нравственно выше того,—сказалъ маститый юбиляръ,—когда родина даетъ званіе почетнаго гражданина одному изъ своихъ сыновъ и притомъ не за блестящіе подвиги на полѣ брани, не за матеріальныя выгоды, ей доставленныя, а за трудовую дѣятельность на поприщѣ просвѣщенія, науки и гражданственности“.....

Празднованіе юбилея Н. И. Пирогова не ограничилось только Москвой; и въ другихъ мѣстахъ происходили торжественныя собранія людей науки и интеллигенціи въ честь великаго юбиляра.

Нашъ Казанскій университетъ чествовалъ 24 мая 1881 г. своего старѣйшаго почетнаго члена торжественнымъ собраніемъ, совмѣстнымъ съ состоящими при университетѣ учеными обществами, въ томъ числѣ и нашимъ Обществомъ врачей. Въ этомъ собраніи произнесены были рѣчи: ректоромъ Н. О. Ковалевскимъ, профф. В. М. Флоринскимъ, Л. Л. Левшинымъ и И. М. Догельмъ, прозекторомъ анатомии Н. М. Маліевымъ, доцентомъ гигиены И. Г. Скворцовымъ.

Проф. Ковалевскій въ своей рѣчи сообщилъ ставшую знаменитой фразу, сказанную сму Н. И. Пироговымъ:

«Въ то время, когда вся Россія шипала коршю для Севастополя, корпией этой перевязывали англичане, а у насъ была только солома».

«Воздавая должную день уваженія Н. И. Пирогову,—сказалъ въ заключеніе своей рѣчи проф. Флоринскій,—мы имѣемъ право гордиться имъ какъ національной медицинскою славой. Да послужатъ же нынѣшня воспоминанія объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ стимуломъ для насъ самихъ, побуждающимъ къ высокимъ идеаламъ науки и государственной пользы».

Проф. И. М. Догель въ своихъ воспоминаніяхъ о Пироговѣ между прочимъ рассказываетъ, что онъ, въ 1850 г., по окончаніи гимна-

зи, не зная, на что рѣшиться: поступить-ли въ медицинскую академію или въ университетъ Петербургскій, окончательно рѣшилъ посвятить себя изученію медицинскихъ наукъ послѣ того, какъ, по совѣту студента-медика, побылъ на вскрытіи трупа, производившемся Н. И. Пироговымъ въ медико-хирургической академіи.—Свою рѣчь проф. Догель закончилъ «словами великаго, народнаго поэта Пушкина:

«Ты, солнце святое, гори!
 Какъ эта лампада блѣднѣетъ
 Предъ яснымъ восходомъ зари,
 Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
 Предъ солнцемъ бессмертнымъ ума!
 Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!»

Не успѣли окончиться въ Москвѣ юбилейныя торжества, какъ разнеслась вѣсть о роковой болѣзни юбиляра, столь омрачившая всѣхъ и самого Пирогова.

Вотъ что рассказываетъ по этому поводу проф. Склифосовскій въ своей рѣчи на торжественномъ засѣданіи Хирургическаго Общества Пирогова 23 ноября 1894 г.

«Съ порученіемъ просить Н. И. Пирогова пріѣхать въ Москву я пріѣхалъ къ нему въ Вишню.—Принявъ предложеніе, Николай Ивановичъ долго бесѣдовалъ со мною на разные темы и между дѣломъ сказалъ мнѣ: «Посмотрите, что у меня во рту?» На твердомъ небѣ, справа, тамъ, гдѣ въ глубинѣ выходитъ *art. palatina post.*, я увидѣлъ язву, характеръ которой не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію,—язва была раковая. Невыразимо тяжело сдѣлалось мнѣ, говорить проф. Склифосовскій. То было начало недуга, сведшаго Н. И. въ могилу... Я выѣхалъ въ Москву угнетенный, подавленный тайной, обладателемъ которой сдѣлался невольно.

Наступилъ день юбилея, памятное 24 мая 1881 г. Актное зало университета едва вмѣщало участниковъ торжества. Среди кликовъ радости и гула восторженныхъ изліяній Николаю Ивановичу, я былъ,—говоритъ Склифосовскій,—единственное лицо, знавшее ужасную тайну. Я хотѣлъ слиться съ другими въ потокѣ шумнаго праздника, и не могъ: меня давила мысль о неизбежномъ, роковомъ исходѣ,—одному пока мнѣ известной,—болѣзни юбиляра. Обнаруживъ тайну, я поколебалъ бы блескъ торжества, а имѣлъ ли я право посягать на спокойствіе старца, переживавшаго отрадныя минуты за все то доброе, которое онъ сдѣлалъ?

Я хранилъ въ себѣ тайну.

Наступила вторая половина торжества—трапеза въ большомъ залѣ Московскаго дворянства. Къ концу обѣда я рѣшился подѣлиться тяжелой вѣстью съ нѣкоторыми изъ товарищей. Тутъ же, съ согласія супруги юбиляра, рѣшено было на завтра собраться къ дорогому больному для совмѣстнаго обсуждения его положенія. На совѣщаніи (профф. Богдановскій, Валь, Грубе, Эйхвальдъ и я) постановили: предложить Николаю Ивановичу изсѣчь язву; объявить же объ этомъ просили проф. Э. Э. Эйхвальда, съ отцомъ котораго, а также и съ нимъ самимъ, Н. И. былъ въ большой дружбѣ.

«Я? Ни за что!»—могъ только отвѣтить Эйхвальдъ и, отойдя въ сторону, закрылъ себѣ лицо! Жребій быть грустнымъ вѣстникомъ палъ на меня. Полный отчаянія, я недоумѣвалъ: что скажу я Николаю Ивановичу, котораго такъ чтить,—какъ передамъ я ему?

Обурсваемый такими сомнѣніями, я направился въ залъ, гдѣ ждалъ насъ Николай Ивановичъ. Я боялся, что голосъ мой дрогнетъ и слезы выдадутъ все, что было въ мысляхъ.

«Николай Ивановичъ! началъ я, пристально смотря ему въ лицо,—мы рѣшили предложить Вамъ вырѣзать язву».—Съ полнымъ самообладаніемъ выслушалъ онъ меня.

Настало глубокое молчаніе. Я до сихъ поръ еще съ болью ощущаю этотъ страшный мигъ! «Прошу Васъ, Николай Васильевичъ, и Васъ, Валь,—сказалъ намъ Николай Ивановичъ,—сдѣлать мнѣ операцию, но не здѣсь: мы только-что кончили торжество и вдругъ затѣмъ тризну!

Вы можете пріѣхать ко мнѣ въ деревню»? Разумѣется, мы отвѣчали согласіемъ.

Операции однако не суждено было сбыться.??

(Окончаніе слѣдуетъ).
